

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

По всем (Петербургские очерки #19)

«Пишу тебѣ, душа моя Гуськовѣ, на второй-же день по приѣздѣ въ Петербургѣ. Надобности въ этомъ никакой нѣтъ, но хочется подѣлиться впечатлѣніями, какъ говорилъ поэтъ Пушкинѣ.

Петербургѣ, я тебѣ скажу, чудесный городѣ, только совсѣмъ не такой, какимъ я воображалъ его. Начать съ того, что все тутъ очень просто. Выходишь изъ вагона, и видишь голую закоптѣлую стѣну. Вошелъ въ вокзалѣ – опять голыя стѣны, и тоже какъ будто прокоптѣлыя. А я думалъ, что тутъ иначе и ступить нельзя, какъ по коврамъ, и что на каждомъ шагу взоръ услаждается чѣмъ либо грандіознымъ, или художественнымъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Васи́лий Григо́рьевич
Авсе́енко
По всѣмъ**

(Изъ письма заѣзжаго провинціала).

Пишу тебѣ, душа моя Гуськовѣ, на второй-же день по приѣздѣ въ Петербургѣ. Надобности въ этомъ никакой нѣтъ, но хочется подѣлиться впечатлѣніями, какъ говорилъ поэтъ Пушкинѣ.

Петербургѣ, я тебѣ скажу, чудесный городѣ, только совсѣмѣ не такой, какимѣ я воображалъ его. Начать съ того, что все тутѣ очень просто. Выходишь изъ вагона, и видишь голую закоптѣлую стѣну. Вошелъ въ вокзалѣ – опять голыя стѣны, и тоже какъ будто прокоптѣлыя. А я думалъ, что тутѣ иначе и ступить нельзя, какъ по коврамѣ, и что на каждомъ шагу взорѣ услаждается чѣмъ либо грандіознымѣ, или художественнымѣ.

Повезъ меня извозчикѣ по Невскому, и надо сказать – плюгавый какой-то извозчикѣ: у насѣ въ Ростовѣ они гораздо лучше. Но и Невскій тоже, надо признаться, разочаровалъ меня: улица широкая, дома преогромныя, но все ихѣ украшеніе состоитѣ изъ громаднхѣ вывѣсокѣ. Ъхать-же очень трудно, потому что то правая сторона загорожена, то лѣвая; это оттого, что теперь починяютѣ мостовую. Два новые дома обратили на себя мое вниманіе:

стоять почти рядомъ, оба изъ одного и того-же бѣлаго камня, и въ одномъ одинъ банкъ, а въ другомъ другой. Полагаю, что и всѣ остальные банки выстроятся точно также, и тогда будетъ очень удобно узнавать ихъ среди другихъ домовъ. А трактиры всѣ имѣютъ вывѣски зеленаго цвѣта.

Ты понимаешь, что почистившись и переодѣвшись, я тотчасъ вспомнилъ именно о трактирахъ, такъ какъ мнѣ ѣсть хотѣлось. И что-бы скорѣе изучить эту часть, я позавтракалъ кряду въ двухъ. Это очень возможно, потому что порціи подаютъ маленькія. Машины играютъ и скатерти довольно чистыя, но великолѣпія, о которомъ мы оба мечтали, никакого нѣтъ. Со мною рядомъ очень видный генераль сидѣлъ, и ему подали точно такое же соломенное стуло, какъ и мнѣ. А на счетъ Доминика это все враки, будто тамъ можно поѣсть пирожковъ и улизнуть не заплативши: я, для провѣрки, попробовалъ такъ сдѣлать, но меня тотчасъ остановилъ лакей въ синей курткѣ съ зеленымъ передникомъ, и довольно строго вернулъ къ буфету. Буфетчикъ же, давая сдачу, такъ пристально на ме-

ня смотрѣлъ, точно глазами фотографію снималь.

Обѣдать, душа моя, поѣхаль я за-городъ, и для этого взялъ громадное шестимѣстное ландо. Представь себѣ, что такой экипажъ здѣсь стоитъ гораздо дешевле двухмѣстной коляски, и даже пролетки. Правда, ландо это громыхало и скрипѣло, и лошади никакъ не налаживались въ ногу, потому что правая вдвое была выше лѣвой; но въ смыслѣ помѣстительности нельзя желать лучшаго.

За обѣдомъ играли румыны, только не знаю, тѣ ли самые, что были у насъ въ Ростовѣ, или другіе. Гулялъ по саду и заглядывалъ въ бесѣдки, гдѣ кутяты съ дамами. Очень нарядныя дамы, въ громадныхъ шляпахъ. На двухъ я положительно засмотрѣлся, но ко мнѣ подошелъ какой-то очень сердитый мужчина и попросилъ отойти.

При выходѣ, долго не могъ дожждаться своего ландо, потому что здѣсь заведенъ странный обычай – отсылать порожніе экипажи на какой-то дальній островъ, можетъ быть даже необитаемый.

Изъ ресторана поѣхаль прямо на

«стрѣлку», такъ какъ былъ часъ самага фешенебельнаго гулянья. Другъ мой, помнишь ли ты наши мечтанія объ этой «стрѣлкѣ», объ этомъ «пуантѣ»? Какъ разыгрывалось наше воображеніе, какія чудеса роскоши, великолѣпія, элегантности представлялись намъ! И повѣришь-ли, я ничего этого не нашелъ. Мимо моего ландо плелись извозчики, шныряли какія-то таратайки, гдѣ сидѣли господа съ картузами на головахъ, и раскачивались такія же ландо. Впрочемъ, я человѣкъ заѣзжій, и судить не могу. Можетъ быть эти господа въ таратайкахъ – очень знатные люди, и носятъ картузы и голенища только что-бы намекнуть на свой образъ мыслей; но мнѣ они показались мелкими торговцами или лошадиными барышниками. Элегантныхъ же экипажей было не болѣе десятка, и въ одномъ изъ нихъ я узналъ тѣхъ самыхъ дамъ, которыми любовался въ ресторанѣ. Но я заподозрилъ, какъ будто онѣ были... ты понимаешь? – черезчуръ веселы.

Я обратился къ моему кучеру съ вопросомъ, всегда ли «стрѣлка» имѣетъ такой скромный видъ, и онъ пояснилъ мнѣ, что настоя-

щя публика бываеъ здѣсь только въ маѣ, а теперь собирается самая пустая «шармаша» – «изъ провинціи, значить, вотъ вродѣ какъ вы». Не взирая на неумѣстность послѣдняго замѣчанія, я понялъ въ моемъ возницѣ глубокаго знатока петербургской жизни, и потому предложилъ ему составить программу моего вечера, съ тѣмъ чтобы проѣхаться, какъ говорится, «по всѣмъ», и всюду поспѣть къ самому надлежащему часу. Возница отнесся къ вопросу съ живѣйшимъ участіемъ, и сейчасъ же набросалъ планъ дѣйствій. Перво-на-перво, пояснилъ онъ, надо въ «Зоологическій садъ», потому тамъ публика ранняя. «А отлева гони въ „Акваріумъ“, тамъ тебѣ что угодно: либо къ нѣмцамъ поспѣешь, либо къ французинкамъ. А напосля того безпремѣнно на Крестовскій, къ самому развалу». – Да вѣрно-ли такъ выйдеть? – спросилъ я.

– Не сумлевайтесь, въ самую точку: съ графами, да съ князьями ѣзжалъ. Само собою, на чаекъ прибавите.

– А въ «Аркадію» развѣ не поѣдемъ?

– Можно и въ «Аркадію» потрафить. Намеднись я съ княземъ Сундуковымъ ѣздилъ,

такъ опосля всего еще на тони потрафили. Красненькую мнѣ на чаекъ выложилъ.

Каковы аппетиты? А армякъ на немъ съ чужаго плеча, полинялый, и самъ сидитъ на козлахъ, словно на облучкѣ телѣги. На слѣдующее время стану избѣгать кучеровъ, которые ѣздятъ съ княземъ Сундуковымъ.

Тѣмъ не менѣе, онъ свое дело сдѣлалъ: мы дѣйствительно потрафили всюду, въ самую точку. За одинъ вечеръ я, можно сказать, изучилъ всѣ значныя мѣста въ Петербургѣ.

Признаюсь, мнѣ даже трудно разобраться въ впечатлѣнiяхъ. Я немножко ослабѣлъ, и въ головѣ какъ-то все встряхнулось. Можетъ быть это оттого, что въ «Зоологическомъ саду» много пилъ пива. Но тамъ нельзя не пить его много. Представь себѣ, что дамы, сидя за столиками, сами приглашаютъ выпить съ ними. И притомъ, пиво словно разлито въ воздухе: дышешь, и чувствуешь, какъ въ тебя входитъ какой-то раздражающій пивной эфиръ. Чортъ его знаетъ, откуда онъ берется: вѣдь въ пиво, кажется, эфира-то нѣтъ совсѣмъ?

Ахъ, душа моя Гуськовъ, но какъ хорошо!

Да, только въ Петербургѣ и умѣють пріятно жить.

Впрочемъ, опять все оказалось не такъ, какъ мы съ тобою предполагали. Великолѣпія, представь себѣ, никакого: все въ высшей степени просто, до чрезвычайности просто. Начать съ обмундированія прислуги: ты не повѣрилъ-бы что находишься въ роскошной сѣверной Пальмирѣ. Въ одномъ саду прислуга одѣта въ такія странныя, на манеръ арестантскихъ, куртки, что я сначала подумалъ: ужъ не попалъ-ли я, ненарокомъ, въ какую-нибудь колонію несовершеннолѣтнихъ преступниковъ? Въ другихъ садахъ меня поразило, что всѣ служащіе, кромѣ офиціантовъ, одѣты въ толстые казакины и сапоги съ голенищами. Но я, разумѣется, сообразилъ, что это дѣлается отнюдь не изъ скаредности, а съ цѣлью придать учрежденію пріятный народный колоритъ. Какъ хочешь, а тутъ есть извѣстная пикантность: въ дверяхъ театра тебѣ встрѣчаетъ капельдинеръ пошехонскаго вида, а на сценѣ распѣваетъ и приплясываетъ француженка, только-что сегоднѣ пріѣхавшая

прямымъ поѣздомъ изъ Парижа. Но, что правда, то правда: этнографическая вѣрность въ обмундированіи прислуги хромаетъ. Такихъ казакиновъ народъ совсѣмъ не носитъ; и затѣмъ, я полагаю, что добрая пара лаптей придадала бы много колориту.

Но какъ мнѣ разобратъся во всемъ, что я видѣлъ? У меня все такъ перепуталось въ головѣ, что я легко могу перевернуть. Кажется, что гдѣ-то я видѣлъ одинъ театръ каменный, и одинъ желѣзный. Да, да, желѣзный, строенный на металлическомъ заводѣ. Но, можетъ быть, это мнѣ почудилось? За то, достовѣрно могу поручиться, что я побывалъ по крайней мѣрѣ въ десяти буфетахъ. Не удивляйся, тутъ на это смотрятъ серьезно, и въ каждомъ саду есть по нѣсколько буфетовъ. Разнообразіе, въ высшей степени достойное подражанія. Торчатъ передъ одной и той же буфетной выставкой – скучно, да и вниманіе всѣ обратятъ. А тутъ ты дѣлаешь такъ: подходишь къ одному буфету и выпиваешь двѣ рюмки водки; потомъ, погулявъ въ саду, заглядываешь въ другой, и спрашиваешь двѣ рюмки коньяку; затѣмъ, повернувъ всторонку, съ невиннымъ

видомъ входяшь въ третій буфетъ, гдѣ тебѣ дають нѣсколько кружекъ пива, холоднаго, пѣнистаго, прямо изъ бочки; наконецъ, ты присаживаешься къ столику, и спрашиваешь бутылку дрей-мадеры. Такимъ образомъ, никто за тобой не наблюдаетъ, а между тѣмъ ты утѣшенъ.

Собственно говоря, впрочемъ, всѣ эти уголки называются садами и театрами. Но театровъ также много, какъ и буфетовъ, и потому легко смѣшать одни съ другими. А что касается садовъ, то у насъ въ Ростовѣ лучше. Здѣсь двѣ березки, съ чертополохомъ посрединѣ и петуніей вокругъ, считаются садомъ. И притомъ, тѣма кромѣшная. Фонарей, если я не перепуталъ, полагается столько, сколько буфетовъ; отсюда ясно ихъ прямое путеводительное назначеніе. Вообще, свѣтъ распространенъ неравномѣрно: онъ усиливается въ буфетахъ и около буфетовъ, и постепенно слабѣетъ по мѣрѣ удаленія отъ распивочныхъ центровъ. Отъ этого происходитъ тоска, которая въ свою очередь тянетъ къ буфету. Я потомъ все это отлично сообразилъ, но сначала недоумѣвалъ, и даже обратился къ

оффиціанту съ вопросомъ, почему сады въ Петербургѣ погружены въ такую тьму. Оффиціантъ отвѣтилъ мнѣ съ находчивостью, дѣлающею честь ихъ сословію:

– Помилуйте, намъ пущать много свѣту никакъ невозможно: публика обижаться будетъ. Публика здѣшняя любитъ, чтобы темно было. Засвѣти побольше, такъ и ходить не будутъ.

– Да отчего-же?

– Стѣсняться будутъ.

Откровенно говоря, я ничего не понялъ, но не желая показаться провинціаломъ, лукаво подмигнулъ и принялъ плутоватый видъ.

Чувствую, другъ мой Гуськовъ, что ты ждешь отъ меня самага главнаго – отчета о театральныхъ представленіяхъ. Но, повторяю, боюсь перепутать. Ты пойми: я прокатился по всѣмъ садамъ, а въ каждомъ саду по нѣсколько театровъ. Театръ спереди, театръ сзади, театръ сбоку; одинъ закрытый, другой открытый; въ одномъ кончаютъ, во второмъ продолжаютъ, въ третьемъ начинаютъ. Разнообразіе такое, что можно съ ума сойти. Настоящее вавилонское столпотвореніе:

французы, нѣмцы, англичане, русскіе, жиды, румыны, цыгане. Французы канканируютъ, нѣмцы играютъ «Прекрасную Елену»... Кажется, я сбился; а впрочемъ, очень возможно, что нѣмцы давали именно «Прекрасную Елену»...

Но, представь себѣ, я нигдѣ не видѣлъ Рауля Гюнсбурга. Вотъ тебѣ лучшее доказательство, въ какомъ безпорядкѣ я находился.

Дѣйствительно, къ концу вечера у меня все перепуталось въ головѣ.

Мнѣ казалось, будто какая-то нѣмка поетъ по-нѣмецки арію герцогини Герольштейнской, какая-то французенка стоитъ вверх-ногами, какіе-то жидочки расхаживаютъ въ боярскихъ костюмахъ и поютъ по-русски, а знаменитая Отеро улыбается мнѣ со сцены...

Однако, я усталъ писать. И къ тому же, зачѣмъ напрасно дразнить тебя? Вотъ, пріѣзжай сюда на будущій годъ вмѣстѣ со мною, тогда самъ все увидишь и всѣмъ насладишься. Я же буду твоимъ вѣрнымъ и опытнымъ путеводителемъ. А пока прими дружеское рукопожатіе любящаго тебя Пети Воробейникова.